

74.268.3

Д25

СА-402088

Девяшина М.Н.

Школа читательского мастерства,
или
Как читать хорошие книги с интересом
и удовольствием

Девяшина М.Н.

Школа читательского мастерства,

или

Как читать хорошие книги с интересом
и удовольствием

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

✓
Издательство «Перо»
Москва 2023

СА-402088

Оглавление

Предисловие	3
ГЛАВА 1.	
«Что хотел сказать автор»	6
ГЛАВА 2.	
Двуголосые слова и трансформация текста	18
ГЛАВА 3.	
С чего начать?	31
ГЛАВА 4.	
Анализ текста с помощью таблицы	44
ГЛАВА 5.	
Модель как отражение существенных признаков объекта	58
ГЛАВА 6.	
Целостный анализ прозаического произведения большого объема	64
ГЛАВА 7.	
Если начать с нуля	83
ГЛАВА 8.	
Инструменты не работают	115
ГЛАВА 9.	
Прекрасное и безобразное, или воспитательную функцию школы никто не отменял	138
ГЛАВА 10.	
Идеи реализованные и оставшиеся на уровне замысла	162
ГЛАВА 11.	
Опыт прочтения некоторых поэтических произведений	192
Приложения	218
Список литературы	245

Евдокии Михайловне Пантелеевой
с уважением и благодарностью,
моим семиклашкам – с любовью.
Автор

В одном из стихотворений поэт Юрий Левитанский дал нам, читателям, совет на все времена, как открыть дверь в страну Нарнию художественного текста, в его сакральное пространство:

*Всего и надо, что вчитаться, – боже мой,
всего и дела, что помедлить над строкою,
не пролистнуть нетерпеливою рукою,
а задержаться, прочитать и перечесть.*

Но что значит вчитаться? Как помедлить? Почему перечесть, прочитав?

Об этом рассказывает книга, лежащая перед вами.

У искушённого читателя, научившегося вести диалог с книгой и получать от этого удовольствие, таких вопросов не возникает, он давно «попал» в культуру чтения. Он знает современ школьного своего детства про «отметку острую ногтей» Онегина на полях фолиантов, имеет собственный опыт тщательного чтения: с закладками, карандашом. Под обложкой – особый мир, который начинает втягивать в мысленный разговор с его автором любого, кто прикоснулся к тексту по-настоящему. Читая, удивляемся, спорим, не соглашаемся, ненавидим, приходим в восторг. Меняемся, становимся богаче: литература – способ видеть мир.

А вот ребёнку овладеть ремеслом вчитывания в художественный текст надо бы помочь.

Согласимся: есть шедевры литературы, особенно в поэзии, которые не требуют анализа. Он даже вполне способен, неуклюжий, прогнать очарование, магию строк. Проза же – полигон для разворачивания мыслей и чувств, и научиться в тексте видеть «маячки», расставленные для читателя автором, дело не простое и довольно долгое. Ну так и учим читать 11 лет!

В основе этой книги – три «кита».

Первый – работа по учебно-методическому комплексу Галины Николаевны Кудиной и Зои Николаевны Новлянской «Литература

как предмет эстетического цикла». Благодаря этой программе в уроки пришла «художественная модель мира» М.М. Бахтина, его идея диалога автора и читателя, опосредованного художественным текстом.

Второй – работа в команде учителей развивающего обучения школы № 4 г. Мегиона (ХМАО) под руководством заместителя директора по научно- методической работе Ирины Геннадьевны Поляковой. Третий, кардинальным образом изменивший подход к изучению литературы, – интенсивные образовательные сессии, проводимые в девяностых и начале двухтысячных в нашей школе методологами Татьяной Михайловной Губановой, Андреем Юрьевичем Губановым и Александром Валерьевичем Нечипоренко, их книги. В русле этих книг течёт моя деятельность филолога. Если в читаемой вами книжке обнаружится нечто похожее на скрытое цитирование, не удивляйтесь: «Образовательный проект «Вертикаль»» стал для нашей учительской команды мировоззрением, единственно возможным способом жить в профессии.

Читать классику с интересом и удовольствием... Возможно ли это – не в принципе, а в практике школьного и семейного чтения?

В семьях, где ещё читают книжки, знают: даже если у сказки плохой конец, завтра ребёнок снова попросит её прочесть. Ничего не ведая ни о катарсисе, ни о древних греках, его придумавших, сопереживает героям, страдает. И получает удовольствие. То есть испытывает эстетическое воздействие художественного слова.

В школьном возрасте врождённое умение чувствовать текст у многих детей исчезает. Литература – очень сложный предмет. Художественные произведения, включённые в программу изучаемого детьми в школе, написаны для другой аудитории. Специально детской литературы в этом списке, начиная со средних классов, почти нет. Да и в «началке», когда читаем стихи поэтов-философов Ф. Тютчева, И. Бунина, А. Фета, обязательно нам надо выяснить, «что сказал автор». В результате аналитической работы строки, к которым потянулась душа, начинают вызывать раздражение своей недоступностью для понимания и тем более для внятного изложения этого понимания.

* Кудина Г., Новлянская З. «Литературное чтение». Сборник программ для начальной общеобразовательной школы. Система Д.Б. Эльконина - В.В. Давыдова. М, Вита-Пресс, 2004.

** Губанова Т., Губанов А., Нечипоренко А. Образовательный проект ВЕРТИКАЛЬ - Мегион, 2008.

Общепринятая норма: говорить на уроке громкие пустые фразы, мало относящиеся к прочитанному.

У ребёнка нет достаточного жизненного опыта, чтобы воспринимать художественное произведение «адекватно авторскому замыслу». Да и пространство интеллектуально-эмоциональной жизни семьи всё более сужается. Во многих ли семьях сегодня родители вместе с ребёнком читают, смотрят кино, ходят в театр и обсуждают прочитанное, увиденное и услышанное?

Литература – сложный предмет еще и потому, что это вид искусства, и воспринимать его нужно не как бытовую историю, а по законам искусства (чему маленький читатель не научен). Но вполне может научиться, освоить «инструменты», давно изобретённые Большим Литературоведением. Сделать это по силам каждому: и бабушка, и молодая мама, и сам читающий ребёнок, а уж тем более учитель вполне могут вооружиться техниками понимания художественного текста. «Инструменты», о которых речь пойдёт в этой книге, позволяют в полной мере постичь и осмыслить текст, прочувствовать жизнь, в нём отражённую.

Книга обращена к самому широкому читателю, поэтому написана так, что разобраться с тем, «что делать», может и второклассник. Но в конце каждой главы другим шрифтом выложен «сухой литературоведческий остаток» для учителя и методиста: как можно при желании организовать *деятельность* учащихся по чтению и пониманию художественного текста, не будучи «рошником» – приверженцем образовательной системы Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова^{*}.

И кроме всего прочего, это так интересно, весело, радостно – читать текст в хорошей компании и, понимая автора, вдруг понять себя.

* О том, чем кардинально отличается эта образовательная система от других, можно узнать, например, в очень доступно написанной статье А. Б. Воронцова <https://www.7ya.ru/article/sistema-db-jelkonina-vvdavydova/>.

ГЛАВА 1.

«ЧТО ХОТЕЛ СКАЗАТЬ АВТОР»

Пушкин в повести «Дубровский» хотел нам что-то сказать, но у него не получилось.

(Из сочинения пятиклассника Миши К.)

Сначала чуть-чуть как бы теории.

Автор пишет, сочиняет художественный текст. Тем самым он создаёт мир, которого не существовало. Это особое художественное пространство, в нём течет художественное время. Оно может идти линейно, событие за событием (это называется *фабула*, когда всё, что происходит, изображено последовательно, в хронологическом порядке), а может скакать взад-вперёд, образуя *сюжет*. Как течь времени, решает писатель. Договоримся сразу: не будем мучиться вопросом, думал автор над тем, как идти художественному времени, или сделал это интуитивно, «просто так», почувствовал, что так почему-то лучше. Будем работать с данностью. Важно, что он это *сделал*, потому что в созданном им мире всё в его власти. Он населил художественное пространство героями, одним дал характеры, другие лишь мелькнули на страницах. Герои во что-то одеты, где-то живут, причём живут по каким-то законам своего мира, а какие-то нарушают. Всё, что происходит, – вымысел, созданный волей автора. Нет и не было в реальности таких людей, это *художественные образы*. И событий не было, и места, где они происходят. Но этот вымысел... реально есть: мы держим произведение в руках. Писатель рассказал историю, которая его волнует. Он не «хотел сказать», а уже сказал. Залил содержание в художественную форму – одно и то же, на века!!! (Другое дело, *кто как* эту книгу прочитает, что в ней найдёт...) Поделится своими размышлениями, чувствами. Согласитесь, никто не станет делиться мыслями о том, что его не волнует! Но писатели редко обращаются напрямую к читателям со своими вопросами, нравоучениями. Искусство не любит проповедь, настоящий мастер прячет глубоко свои размышления, переживания. Литература не учебник, а искусство, поэтому читатель испытывает художественное, эстетическое воздействие, и радуется, и печалится, не размышляя, почему.

Ну давайте же наконец почитаем!

Дональд Биссет

Под ковром

Тигр и лошадь жили под ковром в гостиной. Они были друзьями. В том доме жила девочка. Однажды она спросила их:

- Как это вы умещаетесь под ковром?
- Очень просто, мы ведь воображаемые, – ответили они.
- Я воображаемый тигр.
- А я воображаемая лошадь.
- А где же твоё сено? – спросила девочка у лошади.
- Под ковром, – ответила лошадь. – Это ведь воображаемое сено.
- А твои кости тоже под ковром? – спросила она у тигра.
- Кости? Конечно, – ответил тигр.

И лошадь с тигром спрятались под ковром.

Девочка достала лист бумаги, нарисовала несколько кусочков сахара и сунула рисунок под ковёр.

Чуть погодя она услышала похрупывание и «чам-чам-чам» – лошадь ела сахар с большим удовольствием.

Тогда девочка написала на клочке бумаги записку: «Что любят тигры?» – и сунула записку под ковёр. Под ковром зашущукались, затем высунулась лошадиная голова и сказала:

- Бутерброды с сеном!

Понравился рассказ? «Да. Потому что интересный, весёлый, смешной», – сказали нам первоклассники (в системе Л.В. Занкова это первый текст, с которым ребята знакомятся, изучив букварь). И вряд ли у кого из прочитавших будет другое мнение. Эти слова, *первичное восприятие текста*, фиксируем на доске или на бумаге, если читаем дома. И записываем, кто герои рассказа: тигр и лошадь, девочка. О чём эта история? Смешная история про девочку-фантазёрку, её друзей, тигра и лошадь, которых она придумала. Запишем кратко и это.

ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА

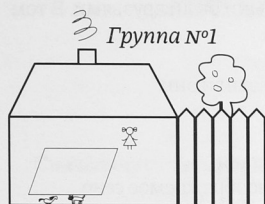
Давайте поразмышляем, в каком художественном мире живут герои, изобразим его на листе. Для этого прочтём рассказ ещё раз.

Слово *изобразим* ребята понимают как *нарисуем*. Лишь однажды за всю практику игр первоклашки уточнили: изображать с помощью рисунка или схемы? Но даже в таком случае лучше ответить: «Как вам удобнее», чтобы иметь возможность сделать важное различие рисунка и схемы.

Рассмотрим получившиеся рисунки и поразмышляем вместе. Тот ли

художественный мир мы изобразили, который создал Дональд Биссет?

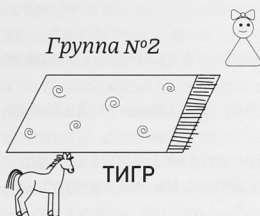
Герои – девочка, лошадь, тигр. И ковёр на полу. Но в рассказе нет ни слова о заборе, трубе, дыме. И дом может быть совсем не такой,

а, например, квартира в многоэтажке. Или коттедж. Рисунок наполнен лишним, другим содержанием. А в тексте про дом вообще ничего не говорится, нет никаких подробностей. Только то, что в гостиной на полу ковёр.

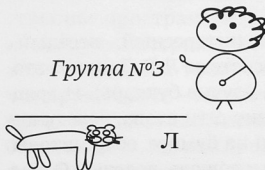
Этот рисунок свободен от лишних подробностей. Или нет? Его авторы старательно изображали бахрому и завитушки на ковре. Поразмышляем: это важно, какой именно на полу ковёр?

Группа №2

И ещё заметим: девочка нарисована (хотя и частично), лошадь нарисована, а тигр нет. Не успели. Вместо рисунка слово. Содержание рассказа передано... двумя разными языками: языком рисунка и языком текста!

Группа №3

В рисунке третьей группы уже три языка передают содержание. В наших размышлениях появился графический способ передачи смысла. Ковёр превратился в линию, которая разделяет пространство рассказа на «под» и «над» ковром! Рисунок отразил главную особенность художественного пространства, он больше похож на схему, в ней суть задачи. (Знакомые

по другим предметам дела: из пункта А в пункт Б ехала машина. И мы не рисуем машину...) Договариваемся на будущее: мы больше не будем рисовать героев, будем писать даже не слова, а буквы, будем стараться составить схему пространства, передающую суть, свободную от подробностей.

Можно ли сказать, что эта схема – схема пространства рассказа? Почему? (Обсуждение.)

Д
Т Л

Ну вот: «Тигр и лошадь жили под ковром в гостиной. ... В том доме жила девочка».

Раз есть художественное пространство, мир, значит, есть и *законы*, по которым он устроен. Давайте проверим, говорится ли где-нибудь в тексте, какой это мир, как живут его обитатели?

Ползаем по тексту и находим единственное высказывание, похожее на закон жизни: «Они были друзьями». Тигр и лошадь. Под ковром такой мир, где хищники не едят травоядных, а дружат с ними. Добрый мир. Идеальный! Поэтому, наверное, и рассказ называется «Под ковром»! А другие законы мира, в котором живут лошадь и тигр, такие же добрые?

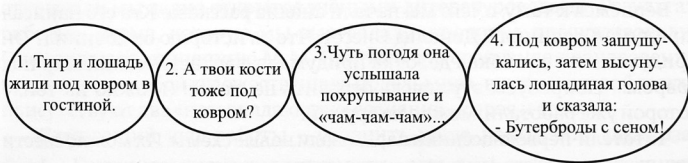
Мы не можем ответить на этот вопрос, нам рассказ не позволяет. Пока. Зато мы можем обратить внимание на другое: исследовать художественное время. Дональд Биссет рассказал читателям все события по порядку?

Нет, сначала мы узнаём про друзей – тигра и лошадь, и только потом про девочку, которая их придумала. А если расставить события по фабуле, изменится содержание рассказа? Пробуем придумать «правильное» начало, можно в парах или группах. Важно, чтобы вместе.

«Жила-была девочка, ей было грустно (одиоко), и она придумала, что под ковром в гостиной живут друзья – тигр и лошадь...», – что-то в этом роде нужно было бы написать в начале, чтобы объяснить фантазии героини. Но писатель этого не делает. Почему? Может, мы ошиблись, и у девочки полно друзей, ей вовсе не грустно, она просто фантазёрка? И снова отправляемся в текст на поиск ответов.

Варианты понимания были предложены такие.

Мнение первой группы: «Девочке весело, мы же четыре раза смеёмся!

Мы читали в группе текст. И прямо пальцем показывали, где в тексте смешно. Эти места нарисовали».

Вопрос группе:

– Вам было смешно или девочке было смешно?

– Это одно и то же...

Ребятам резонно заметили, что в рассказе нет слов «героиня рассмеялась». Да, действительно, текст устроен так, что читатель

улыбается. А про девочку такой информации просто нет.

Вторая группа обратила внимание на то, что девочка не только разговаривает с воображаемыми героями, но рисует им, пишет. Она к ним хочет, в добрый мир, где смертельные (в мире девочки) враги стали друзьями. Лакомства предлагает, дружить хочет. Конечно, это от одиночества в своём мире. Зачем совать записки под ковёр, если есть с кем дружить! Наверное, родители не разрешают домой никого приводить и никуда её не пускают, потому что любят и боятся за свою единственную дочку. Или по другой причине. Этого же никто не объяснил! Слова «однажды она спросила их» говорят о том, что раньше она уже спрашивала тигра и лошадь о чём-то другом, не прямо сейчас она этих друзей придумала. Девочке давно одиноко.

Важный результат: мы увидели, как художественное пространство рассказа разделилось на два мира: мир реальности и мир фантазии. А граница – ковёр. Но если это действительно разные пространства, то живут в них герои по разным законам. В мире «над ковром» дружить надо не со всеми, если ты не глуп.

Появилось новое содержание, которое надо внести в нашу схему.

Д	Мир реальности: дружить надо не со всеми.
Т Л	Мир фантазии: дружить надо со всеми!

Появилась и рамка: текст ограничен. Будем использовать эти графические находки при работе с другими произведениями.

Вернёмся к тому, с чего мы начали анализ рассказа. Кто его написал (придумал, сочинил)? Дональд Биссет. Что за историю он сочинил? Он придумал, что одинокая девочка придумала фантастический мир под ковром... Попробуем эту мысль отразить на схеме! (Можно на той, с которой уже работали, можно на другой).

Читатели-первоклассники нарисовали новые схемы. Их можно свести в одну:

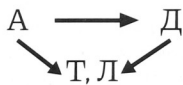
А → Д, → Т, Л

Автор придумал девочку, она – историю про тигра и лошадь.

У слушателей возникли вопросы.

– Почему вы считаете, что именно героиня придумала эту историю? Как вы думаете, ей нравится, как дружат тигр и лошадь? Тигру обидно такое отношение лошади к нему?

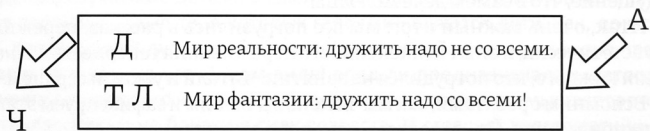
В самом деле, как дружат герои? Давайте найдём слова, которые объяснят нам, как дружат лошадь и тигр. Обидно ли тигру получить бутерброд с сеном? Снова ищем ответы в тексте и обсуждаем.

Автор придумал, что девочка придумала... Потому что лошадь точно ведёт себя иначе, чем рассчитывала девочка, создавая героев своей фантазии. Рассказ перестаёт быть для ребят смешным: герои как-то не совсем на равных... Так, как лошадь, поступают старшие хитренькие сестры – слегка обманывают маленького братишку «для его же пользы». Не едят тигры сено. Согласился он, не зная, что такое бутерброд... Или лошадь что-то пообещала...

Оказывается, автор между строк поведал читателю, что дружба – дело не простое. Бывает, что друг пошутит над тобой обидно... Рассказ этот о том, что такое детское одиночество, о том, что такое быть другом.

Отразим на нашей схеме это новое знание. Для этого внесём в неё автора (А) и читателя (Ч)

То, чем мы занимались, называется в науке *квазиисследовательская деятельность*. Исследование текста ребятами было настоящим, но открывали мы давно открытое учёными-литературоведами. Результат работы – схема, которую мы выстрадали, прожили, прочувствовали. Она отражает концепцию М.М. Бахтина: литературное произведение представляет собой художественную модель мира, внутри которой всегда присутствуют два «несовпадающих» сознания – героя и автора”.

Следующий шаг работы – сравнить наше понимание рассказа,

* Квазиисследовательская деятельность – англ. quasi-exploratory activity – метод обучения в развивающем обучении (система Д. Эльконина – В. Давыдова), в котором воспроизводятся основные элементы научной дискуссии, т. е. того, как исследователи излагают и обсуждают результаты своих исследований, метод восхождения от абстрактного к конкретному. Син. – поисково-исследовательская деятельность.

** Программа Г. Кудиной, З. Новлянской «Литературное чтение»/Сборник программ для начальной общеобразовательной школы. Система Д. Эльконина – В. Давыдова. – М.: Вита-Пресс, 2004. С.150.)

ГЛАВА 9.

ПРЕКРАСНОЕ И БЕЗОБРАЗНОЕ,

или

ВОСПИТАТЕЛЬНУЮ ФУНКЦИЮ ШКОЛЫ

НИКТО НЕ ОТМЕНЯЛ

Быть семьёй, оказывается, трудно.

Маша Т.

Счастливым быть просто.

Настя Е.

*Страшно превратиться в такое семейство,
где любовь фальшивая, формальная.*

Лиза И.

7-й класс

Рассказ Л. Петрушевской «Гигиена» мне принесли дети. Первый раз это случилось в 1998 году, журнальная публикация. Двум хорошим девочкам, Кате и Алёне, я наговорила тогда круглых фраз и ничего обсуждать не стала: побоялась. Второй раз принесли распечатку текста «рошники», иронично сообщив: «Это вам не Пушкин». И я поняла: надо читать.

Работу над рассказом Людмилы Петрушевской «Гигиена» я бы предложила начать с серьёзного подготовительного этапа: чтения её «Пусек бятых», торжества русской морфологии, и просмотра «Сказки сказок» Юрия Норштейна^{*}. (Людмила Стефановна соавтор сценария.) Этот мультфильм – глубокое, светлое произведение визуального искусства.

^{*} «Пуськи бятые» – цикл лингвистических сказок Людмилы Петрушевской, написанных в разные годы её творчества. Первая из них, с таким же названием, была написана в 1984 году и впервые опубликована тогда же в «Литературной газете».

^{**} «Сказка сказок» – мультипликационный фильм Юрия Норштейна, снятый в 1979 году. В ленте, построенной как запутанный лабиринт памяти, переплетены прошлое и будущее, вымысел и действительность, детские впечатления и размышления зрелого человека. По своей поэтике, а также используемым техническим приёмам «Сказка сказок» близка картинам Андрея Тарковского, графике Пабло Пикассо, японской живописи. Фильм удостоен различных кинонаград. Авторы сценария Ю. Норштейн, Л. Петрушевская.

Поговорите с детьми неспешно, пересмотрите отрывки. Поговорите об авторе, не читая предварительно о писательнице никакой информации. *Что, как и зачем* рассказывают читателям и зрителям эти произведения. Потому что сразу бросаться в омут «Гигиены» – это надо быть отважным взрослым. Лучше заранее устроить работу так, чтобы был берег, на который можно вернуться.

У ИОС не только литературоведческие задачи. Интенсивная работа на сессии открывает для ребят возможности личностного роста в интеллектуальной области, в области коммуникации. Ценностные ориентиры жизни осмысливать – тоже дело нужное и нелёгкое. Рассказ Л. Петрушевской «Гигиена», который не входит в школьную программу, был выбран для анализа не случайно. Дети вступили в сложный возраст, родители учащихся бьют тревогу: подростки перестают их слышать, повышают голос. Формула «Я не знаю, что с ним делать» звучит всё чаще и чаще. Удивляться нечему. Это поколение детей, увы, живёт в эпоху разрушения семейных связей, что декларируется во всеуслышание как завоевание демократии. Такова явь нашего времени. Что делать взрослому в ситуации, когда подросток теряет к тебе уважение, перестаёт верить?

Уважать его. Не отмахиваться от вопросов и проблем, а разговаривать честно и по-взрослому о том, что его волнует. Рассказ «Гигиена», созданный Л. Петрушевской в 90-е, сейчас актуален необычайно. Поэтому два дня литературной игры (увы, всего два) были посвящены размышлению, как и почему происходит разрушение семьи. Или почему люди не становятся семьёй.

Рассказ предоставляет хорошую возможность для читательского роста. Дети с подобными явлениями искусства не встречались: он создан в эстетике *безобразного*. Для контраста вторым произведением был выбран светлый рассказ Д. Данливи «Так я купил медвежонка».

Замысел образовательной игры: в процессе понимания текстов столкнуть эстетические категории прекрасного и безобразного, чтобы подростки, читая, смогли вычленить ценностные установки героев произведения (семейные ценности, личные ценности, общечеловеческие ценности). Авторский идеал ребята найдут методом «от противного», но для этого им потребуется обнаружение и анализ их собственных ценностных жизненных установок. В работе также планируется расширить литературоведческий арсенал понятий и приёмов понимания художественного текста. (ИОС проведена в 2015 году.)

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАМЫСЛА

День первый.

Задание: прочесть в группах текст и через 40 минут высказать о нём мнение на общем заседании. Время выступления 5 минут.

Людмила Петрушевская

Гигиена

Однажды в квартире семейства Р. раздался звонок, и маленькая девочка побежала открывать. За дверью стоял молодой человек, который на свету оказался каким-то больным, с тонкой, блестящей розовой кожей на лице. Он сказал, что пришел предупредить о грозящей опасности. Что вроде бы в городе началась эпидемия вирусного заболевания, от которого смерть наступает за три дня, причем человека вздувает и так далее. Симптомом является появление отдельных волдырей или просто бугров. Есть надежда остаться в живых, если строго соблюдать правила личной гигиены, не выходить из квартиры и если нет мышей, поскольку мыши – главный источник заражения, как всегда.

Молодого человека слушали бабушка с дедушкой, маленькая девочка и ее отец. Мать была в ванной.

– Я переболел этой болезнью, – сказал молодой человек и снял шляпу, под которой был совершенно голый розовый череп, покрытый тончайшей, как пленка на закипающем молоке, кожей. – Мне удалось спастись, я не боюсь повторного заболевания и хожу по домам, ношу хлеб и запасы, если у кого нет. У вас есть запасы? Давайте деньги, я схожу, и сумку побольше, если есть – на колесиках. В магазинах уже большие очереди, но я не боюсь заразы.

– Спасибо, – сказал дедушка, – нам не надо.

– В случае заболевания всех членов семьи оставьте двери открытыми. Я выбрал себе то, что по силам, четыре шестнадцатипятиэтажных дома. Тот из вас, кто спасется, может так же, как я, помогать людям, спускать трупы и так далее.

– Что значит спускать трупы? – спросил дедушка.

– Я разработал систему эвакуации трупов путем сбрасывания их в мусоропровод. Понадобятся полиэтиленовые мешки больших размеров, вот не знаю, где их взять. Промышленность выпускает двойную пленку, ее можно приспособить, но где взять деньги, все упирается в деньги. Эту пленку можно резать горячим ножом, автоматически сваривается мешок любой длины. Горячий нож и двойная пленка.

– Нет, спасибо, нам не надо, – сказал дедушка. Молодой человек пошел

дальше по квартирам, как попрошайка, просить денег; как только захлопнули за ним дверь, он звонил уже у соседних дверей, и там ему открыли на цепочку, так что он вынужден был рассказывать свою версию и снимать шляпу на лестнице, в то время как его наблюдали в щель. Слышно было, что ему кратко ответили что-то и захлопнули дверь, но он всё не уходил, не слышно было шагов. Потом дверь опять открылась на цепочку, кто-то еще желал послушать рассказ. Рассказ повторился. В ответ раздался голос соседа:

– Если есть деньги, сбегай, принеси десять поллитровок, деньги отдам. Послышались шаги, и все утихло.

– Когда он придет, – сказала бабушка, – пусть уж нам принесет хлеба и сгущенки... и яиц. Потом надо капусты и картошки.

– Шарлатан, – сказал дедушка, – хотя не похож на обожженного, это что-то другое.

Наконец встрепенулся отец, взял маленькую девочку за руку и повел ее вон из прихожей – это были не его родители, а жены, и он не особенно поддерживал их во всем, что бы они ни говорили. Они тоже его не спрашивали. По его мнению, что-то действительно начиналось, не могло не начаться, он чувствовал это уже давно и ждал. Его охватила какая-то оторопь. Он взял девочку за руку и повел ее вон из прихожей, чтобы она не торчала там, когда таинственный гость постучит в следующую квартиру: надо было с ним как следует потолковать, как мужик с мужиком, – чем он лечился, какие были обстоятельства.

Бабушка с дедушкой, однако, остались в прихожей, потому что они слышали, что лифта никто не вызвал и, стало быть, тот человек пошел дальше по этажу; видимо, он собирал деньги и сумки сразу, чтобы не бесконечно бегать в магазин. Или ему еще никто не дал ни денег, ни сумок, иначе он уже бы давно уехал вниз на лифте, ибо к шестому этажу должно было набраться поручений. Или же он действительно был шарлатан и собирал деньги просто так, для себя, как уже однажды в своей жизни бабушка напоролась на женщину, которая вот так, сквозь щелочку, сказала ей, что она из второго подъезда, а там умерла женщина шестидесяти девяти лет, баба Нюра, и она по списку собирает ей на похороны, кто сколько даст, и предъявила бабушке список, где стояли росписи и суммы – тридцать копеек, рубль, два рубля. Бабушка вынесла рубль, хотя тети Нюры так и не вспомнила, и немудрено, потому что пять минут спустя позвонила в дверь хорошая соседка и сказала, что это ходит неизвестная никому аферистка, а с ней двое мужиков, они ждали ее на втором этаже, и они только что с деньгами скрылись из подъезда, список бросили.

Бабушка с дедушкой стояли в прихожей и ждали, потом пришел отец девочки Николай и тоже стал прислушиваться, наконец вышла из ван-

книге Т.М. Губановой, А.Ю. Губанова, А.В. Нечипоренко «Образовательный проект ВЕРТИКАЛЬ», часть 2, стр. 43-57.

Две последующих ИОС были похожи в главном – мы решали одну задачу: кто же Печорин: Гениальный злодей или гениальный Злодей? Но всегда возникали оттенки и нюансы понимания. Например, девочки-мусульманки заставили нас совершенно иначе взглянуть на повесть «Бэла».

О «Маленьких трагедиях» А.С. Пушкина.

В нашей деятельности читательской «оранжерее» дети от игры к игре растут и раскрываются, как цветы, прямо на глазах. Силу сформировавшегося «коллективного читателя» немеренно, зазорного нахальства не занимать: за все эти годы никто ни разу ребятам не сказал, что они не правы, что так нельзя, что автор произведения гений, а их место за партой. Мы всматривались в текст и в себя, задавали вопросы на понимание, не понимали, удивлялись странному в очевидном, всегда с большим уважением относясь к произведению и тому, кто его создал.

Мы искали новые формы работы для взрослеющих учеников. Вернулись к приёму позиционности, несколько его трансформировав: группам предлагалась *принять* определённую позицию. Так, читая и понимая «Маленькие трагедии», решили задействовать «внутренние ресурсы» и поручили двум группам ребят, занимающихся в студии подростковой журналистики «СтРиЖ», написать сценарии эпизодов для фильмов «Моцарт и Сальери» и «Скупой рыцарь». В помощь дали советы режиссёра А. Митты, изложенные им в книге «Кино: между адом и раем». «Сценаристы» работали без игротехников (форс-мажор), группы разновозрастные, 8-11 класс. Ещё две группы ребят-новичков в этой работе понимали текст, используя инструменты Ю. Лотмана и приёмы А. Пешковского.

Ранее мы не работали с текстом драмы, а это особенная область литературы.

Александр Митта очень просто и глубоко объясняет разницу этих видов искусств. «Прозаик создает картину мира словами, как художник красками. Текст прозы богат разнообразными речевыми оборотами, передает тонкости мысли, оттенки чувств. Прозаик описывает зыбкие настроения, формулирует глубокие и подчас парадоксальные мысли. Такова проза Бунина, Набокова.

Текст драмы (в том числе сценария) отличается от прозы, как день от ночи. Описания безлики и стереотипны. Диалог функционален. Главное – это увлекательная история, где характеры попадают в

затруднительные положения. Поэзия таится в действиях актеров драмы, играют ли они в театре или в кино, в спектакле или в фильме. При чтении драмы как литературного текста функции режиссёра, актёров, сценаристов, художников, осветителей и других участников процесса создания спектакля для единственного зрителя – себя самого – должен взять на себя читатель». Стать «коллективным Львом Толстым», по мнению Александра Митты, чтобы из текста драмы возникла понятная читателю проза и наполнилась поэзией.

Расскажу о работе «сценаристов», так как это новое игровое поле.

Группа сценаристов «Скупой рыцарь»

– Мы попробовали написать сценарий этой маленькой трагедии. Необычная работа для нас. Выбрали третьей сцену, самую важную. Чтобы понять героев, составили «портреты». Как каждый из них выглядит, какие качества может иметь.

Герцог, человек средних лет, высокий, статный. Массивные скулы, волевой подбородок. Он спокоен, умиротворён. Человек-правда, человек-справедливость.

Барон. Ему около 50, высокий, худой, впалые щёки, мешки под глазами, истеричен.

Альбер – гордый, способен на большее... В беседе барон демонстрирует тяжесть своих лет, причём даже симулирует её, открыто льстит герцогу. Когда лжёт, откровенно тянет время, подыскивая лживый аргумент. Герцог спокоен, уравновешен, замечает лесть и ложь. Он положительный герой. Неплохой человек, миротворец. Стычку сына и барона старается решить мирным способом.

Жесты, мимика «доигрывают» характеры персонажей. Барон кланяется, не раз, низко, говорит заискивающе, улыбка неискренняя. Он не знает, чего ждать от этого разговора, зачем его вызвал к себе герцог... Он насторожен, в напряжении.

– Как это увидит зритель?

– Герцог резко меняет тему разговора. Барон о сыне говорить не хочет. Он в замешательстве...

– Как мы это видим? Во что он одет? В доспехи? Какие движения выдают его замешательство?

– Может, он голову почесал?

– Он же в шлеме!!!

МН: – В книге «Кино: между адом и раем» Александр Митта обращает наше внимание на следующее. Л.Толстой описывает

* А. Митта, «Кино: между адом и раем», стр.2.

Бородинскую битву, а мы видим и общую панораму, и мельчайшие подробности – до былинки. И ещё автор делает понятной лирическую составляющую – накал страстей нешуточный, про них прямо написано в тексте, и сам текст сделан так, что читатель пропитывается чувствами героя и повествователя. В драме по-другому. Найти поэзию чувств, которой в драме полным-полно, найти подробности, чтобы достроить характер, должен режиссёр и актёры, чтобы скупой текст заиграл красками. Это сделаете завтра. Сейчас ответим на вопрос, где ключи барона. Для сценаристов это важно: начало и конец – сильные позиции текста, последние слова барона именно о ключах.

Ребята размышляют:

– Ключи под латами, в кармане, наверное. Он же никогда не оставляет их без присмотра.

– Нет. Они большие, на кольцо. Какой должен быть карман... Может, на шее?

– Он же скупой, он их из рук не выпустит, всё время будет трогать, гладить, чтобы ощущать своё могущество... Но сверху их быть не должно.

МН: – Итак, никогда не выпускает из рук, но ключей не видно. Карманов нет. Тогда где?

– В перчатке?..

– Точно, ключи в рыцарской перчатке, которую он...

– Швыряет Альберу! И теперь они у герцога!

МН: – Ключи в перчатке, которую отобрал герцог. Теперь внимание! Если герцог о ключах знает и поэтому забрал перчатку – это один фильм. Если не знает, а когда узнает, отдаст Альберу – это совсем другой фильм. Если не отдаст, потому что Альбер про ключи в перчатке не знает – это третий фильм. А у Пушкина на версию никакого намёка. Вам же нужно решить, «против чего» ваш фильм, и в зависимости от этого выбрать свой вариант финала, его обосновать, а нам предложить сценарий, используя подсказки А. Митты. Ваш герцог – ходячая добродетель. Но ведь он тоже... обманывает. Организует Альберу возможность подслушать. Я не предлагаю изменить трактовку образа, вы вольны делать всё, что считаете, как художники, нужным, но не выходя за рамки пушкинского текста. Обоснуйте, убедите нас доказательно, что характеры именно такие.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49